

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-12>

УДК 343.98

Attribution

cc by

ПОНЯТИЯ «НЕДОСТОВЕРНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» И «ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Зехов Б.З.

Кубанский государственный университет, <https://orcid.org/0000-0002-8487-1713>

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ достоверности доказательств с таким правовым понятием как их фальсификация. Рассмотрены лингвистический, доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты данной проблематики.

Цель – выявить сходные и отличительные черты достоверности и фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве.

Методы: диалектический, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, функциональный метод) и частно-научные (формально-юридический, эмпирический).

Результаты: недостоверность и фальсификацию доказательств объединяет то, что соответствующие доказательства как порочные, не вызывающие у суда доверия не учитываются в процессе принятия решения по существу рассмотрения уголовного дела. В то же время, между данными понятиями прослеживается ряд разграничительных черт. Недостоверность отражает свойство доказательств, а фальсификация – действие субъекта и его результат. Отличаются механизм формирования соответствующих доказательств (фальсификация предполагает создание либо изменение предмета (документа)), правовые последствия их представления и как следствие – круг субъектов уголовной ответственности.

Ключевые слова: недостоверность доказательств, фальсификация, недопустимость, материальный подлог, интеллектуальный подлог, уголовная ответственность, субъект преступления, введение суда в заблуждение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CONCEPTS OF "UNRELIABILITY OF EVIDENCE" AND "FALSIFICATION OF EVIDENCE": A COMPARATIVE ANALYSIS

Batyr Z. Zekhov

Kuban State University

Abstract. The article presents a comparative analysis of the unreliability of evidence with such a legal concept as falsification. The linguistic, doctrinal, legislative and law enforcement aspects of this issue are considered.

Purpose: to identify similar and distinctive features of unreliability and falsification of evidence in criminal proceedings.

Methods: dialectical, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, functional method) and special scientific (formal legal and empirical).

Results: unreliability and falsification of evidence are united by the fact that the relevant evidence, as flawed and not credible to the court, is not taken into account in the process of making a decision on the merits of the criminal case. At the same time, a number of distinguishing features can be traced between these concepts. Unreliability reflects the property of evidence, and falsification - the action of the subject and its result. The mechanism for the formation of relevant evidence (falsification involves the creation or modification of the subject (document)), the legal consequences of their presentation and, as a consequence, the circle of subjects of criminal liability differ.

Keywords: unreliability of evidence, falsification, inadmissibility, material forgery, intellectual forgery, criminal liability, subject of the crime, misleading the court.

Введение.

В юридической литературе значительное внимание уделено сравнительному анализу фальсификации и недостоверности доказательств в гражданском [1; 2] и арбитражном [3; 4] процессах.

В частности, А.С. Стражева [1, с. 108-109] рассматривает фальсификацию судебных доказательств как самое опасное проявление недостоверности, ее незаконную разновидность.

Схожего подхода придерживается А.В. Захаров, соотносящий данные понятия как часть и целое, фокусируя внимание на их разных воз-

можных правовых последствиях, ведь фальсификация может привести к исключению доказательства [5, с. 633].

Примечательно, что хотя в цивилистической доктрине и анализируются вопросы фальсификации, ГПК РФ в ст. 186 иначе называет соответствующее доказательство – подложное – и не детализирует механизм противодействия выявленному дефекту. Ст. 161 АПК РФ, напротив, конкретизирует действия суда в случае заявления о фальсификации.

В науках криминального цикла достоверность единичного доказательства, как правило, сопоставляется с такими смежными правовыми понятиями как допустимость и относимость [6], а также рассматривается в парадигме ее системных свойств, позволяющих перейти к выводу о достаточности [7]. Что же касается соотношения недостоверности и фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве, надо признать, что данный вопрос требует дальнейшей разработки, что представляется возможным осуществить путем обращения к трудам в области лингвистики, наук криминального цикла и судебной практике.

Обсуждение.

В наиболее общем виде, значение слова «недостоверность» в толковых словарях раскрывается как синонимичное неопределенности, ненадежности, сомнительности. Безусловно, такая трактовка может носить исходный характер, однако недостаточна для анализа юридической сущности рассматриваемого понятия и выявления его смысловых оттенков.

Весьма удачным, в контексте цели настоящего исследования, нам видится следующее утверждение Р.В. Доронькина: «Недостоверность сведений – это объективно установленная невозможность проверить (подтвердить) представленную (конечную) информацию из первичных источников (или документации) ввиду её отсутствия, искажения или признания ложной» [8, с. 10].

В свою очередь, как раз ложность – намеренное искажение истины – характеристика фальсификации.

В доктрине недостоверность и фальсификация рассматриваются не только как целое и часть, но и как части обобщающего понятия более высокого порядка. В частности, Н.А. Бортникова отмечает, что умышленное введение суда в заблуждение (обман), влекущее уголовную ответственность, возможно в форме предоставления недостоверной информации лицами, содействующими осуществлению правосудия (эксперт, специ-

алист, свидетель, переводчик), а также путем фальсификации доказательств лицами, участвующими в деле, и их представителями [9].

Такая дифференциация имеет вполне законное основание: названные категории лиц подлежат уголовной ответственности за предоставление суду недостоверной информации соответственно по ст. 307 и 303 УК РФ. Примечательно, что в ст. 307 УК РФ слово «недостоверный» не звучит: вместо него – «ложный», «неправильный». Понятие «фальсификация» и вовсе не имеет легального закрепления и потому получает разнообразную трактовку в правовой доктрине и правоприменительной практике.

Следует обратить внимание на лингвистический аспект рассматриваемых понятий. Недостоверность – отвлеченное существительное, образованное от прилагательного и отражающее не процессуальный признак, на что указывает суффикс -ость [10]. Фальсификация же – отглагольное существительное, то есть, напротив, процессуальное; таковым присуще отвлеченное от своего носителя действие и его результат [11].

Результаты.

Тем самым, недостоверность – свойство доказательства, которым его наделяет суд, поскольку оно не заслуживает доверия. В то же время, для признания доказательства недостоверным необязательно устанавливать виновность конкретного лица в его искусственном формировании. В свою очередь, признание доказательства сфальсифицированным предполагает категорический вывод о его подделке, искажении, то есть действии конкретного субъекта.

О повышенной значимости утверждения о фальсификации доказательств свидетельствует Уголовный кодекс РФ: в ч. 2 и ч. 3 ст. 303 установлена ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу (результатов оперативно-розыскной деятельности – в ч. 4), а с другой стороны, заведомо ложное обвинение лица в фальсификации тоже признается преступлением (ст. 306).

Переходя в уголовно-правовую плоскость исследуемой проблематики, отметим, что фальсификация отнесена к преступлениям против правосудия.

В отличие от значения, придаваемого ей в лингвистике, в правовом измерении она имеет вполне конкретную связь с определенным субъектом. Уголовный закон наделяет таким статусом лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, защитника. В 2022 г. Пленум Верховного

Суда РФ [12] дифференцировал объективную сторону как раз по субъекту. Но во всех случаях деяние характеризуется исключительно умышленной формой вины.

Итак, для лица, производящего дознание, или следователя объективная сторона состоит:

- в приобщении ими к уголовному делу в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов;

- во внесении ими в процессуальные акты, являющиеся источниками доказательств по таким делам (в частности, протоколы следственных действий), заведомо ложных сведений;

- в подделке ранее приобщенных к делу вещественных доказательств и документов (п. 12 постановления).

Что же касается прокурора либо защитника по уголовному делу, их действия могут быть выражены в представлении ими должностному лицу, органу, осуществляющему производство по уголовному делу, либо суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов.

Интересен вопрос о привлечении к ответственности участника производства по делу, осуществившего фальсификацию и передавшего соответствующие «доказательства» через защитника. По правилам ч. 2 ст. 33 УК РФ защитник не подлежит уголовной ответственности в силу невиновного причинения вреда; исполнитель – тот, кто передал документ или предмет защитнику для приобщения. Об этом как раз и сказано в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ, хотя в ч. 2 ст. 303 УК РФ в качестве субъекта преступления поименованы не все участники уголовного судопроизводства, предусмотренные УПК РФ.

Как видим, объективная сторона раскрывается в ракурсе включения разнообразных форм предметов и документов под видом характеризующих фактические обстоятельства преступления доказательств в уголовное дело, что и является моментом окончания преступления. Однако механизм фальсификации все еще не раскрывается.

Обратимся к комментариям к ст. 303 УК РФ. Учеными выделяется материальный и интеллектуальный подлог как суть фальсификации. В первом случае он может быть выражен во внесении ложных сведений в документы, их подмене, подчистке, указании другого числа. Интеллектуальный же подлог имеет место при создании содержательно ложного письменного доказательства [13]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2022 г. отражены как раз оба вида подлога [14].

Примеры фальсификации:

- составление протокола реально не проводимого допроса;

- внесение в него сведений, о которых не сообщал допрашиваемый;

- корректировка текста заключения эксперта [13].

Таким образом, важнейшей составляющей фальсификации выступает именно факт подмены подлинной информации [15].

Фальсификацию характеризуют еще и как подделку и искажение доказательств [16].

В дополнение заметим, что если ранее в отдельных доктринальных источниках указывалось на уничтожение доказательств как вариант фальсификации [15], то п. 12 постановления Пленума в контексте ч. 2 ст. 303 УК РФ уточнил: действия лица, производящего дознание, или следователя по уничтожению и (или) сокрытию приобщенных или подлежащих приобщению к уголовному делу предметов и документов, содержащих имеющие доказательственное значение сведения, состава фальсификации доказательств не образуют.

Итак, фальсификация в актуальном толковании закона может быть выражена только в создании либо изменении предмета (документа), представленного как доказательство.

Сомнения относительно подлинности того или иного доказательства автоматически не означают его подложности. В каждом конкретном случае, вывод о фальсификации делается индивидуально на основе системы всех выявленных обстоятельств.

Как было отмечено ранее, на фальсификацию документа может указывать, в частности, его дата. Однако составление отдельных документов, выступающих доказательством по делу, значительно позднее события преступления, далеко не всегда признается судами фальсификацией. Так, в кассационной жалобе осужденная по ч. 1 ст. 264 УК РФ Ч. оспаривает то, что почти через два года после ДТП следователь самостоятельно составил новую его схему, существенно продлив следы юза автомобиля. Кассационный суд отметил, что необходимость повторного составления схемы была продиктована как раз недостоверностью схемы, подготовленной непосредственно после произошедшего, что было обусловлено ложностью сведений, сообщенных Ч., и не свидетельствует о фальсификации каких-либо доказательств по уголовному делу [17].

Еще раз обратимся к специфике фальсификации доказательств как состава преступления.

А.А. Радченко на основе изучения судебной практики утверждает: это либо неправомерное воздействие на имеющиеся носители доказательственной информации, либо искусственное создание и приобщение к материалам дела недопустимых и недостоверных доказательств [18]. Из этой мысли следует, что в последнем случае доказательство является предметом преступления, недостоверность – свойством предмета; воздействие, создание и приобщение отражают действие, а фальсификация в целом характеризует преступное деяние.

Интересно соотношение формы и содержания доказательств. В одном из примеров следователем осуществлена подделка протоколов следственных действий, а именно - были составлены протоколы допросов и очных ставок, которые реально не проводились, указаны недостоверные дата и время их «проведения». Защита настаивала на том, что внесение недостающих реквизитов (даты) в протоколы следственных действий не влечет искажение содержащейся в них информации и, следовательно, не может рассматриваться как фальсификация доказательств. Однако Верховный Суд РФ парировал: то, что фактические данные, изложенные в показаниях свидетелей, не были искажены, не влияет на вывод о признании всего протокола фальсифицированным источником доказательств [19].

Итак, доказательство признается либо сфальсифицированным, либо нет; частичной фальсификации юридически быть не может. Сфальсифицированное доказательство не заслуживает доверия суда, даже если часть информации в искаженном документе соответствует действительности: *mendax in uno, mendax in omnibus*.

В данном случае, хотя и имело место корректное отражение фактических обстоятельств содеянного, проявилось иное свойство доказательства: оно недопустимо; порочность формы привела к выводу о фальсификации.

В целом в судебной практике подтверждается вышеприведенное доктринальное положение о возможном интеллектуальном и материальном подлоге в рамках фальсификации [20]. Тем самым, Верховный Суд РФ выделяет два ее вида: фальсификация фактических данных и источников доказательств [21].

Заключение.

По итогу проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Общие черты недостоверных и сфальсифицированных доказательств – они вводят суд в заблуждение относительно фактов, имеющих материально-правовое и процессуальное значение, а наделение их судом соответствующим статусом приводит к тому, что такое доказательство не будет приниматься судом во внимание при вынесении итогового акта по делу.

Утверждение о том, что фальсификация доказательства – частный (крайний) случай его недостоверности, не в полной мере отражает содержание рассматриваемых понятий. Логически, лингвистически и юридически такой вывод неверен.

Недостоверность - свойство доказательства, которое ему придается судом в результате анализа всех обстоятельств. Недостоверность – всегда содержательная несостоятельность.

Фальсификация же – термин, отражающий процесс и результат формирования доказательства, указанным в ст. 303 УК РФ субъектом сообразно своему процессуальному интересу.

Сфальсифицированным признается доказательство, умышленно созданное либо искаженное, которое может быть недостоверным либо недопустимым.

Во втором случае в силу подделки, порочности формы имеет место фальсификация доказательств, даже если их содержание в части описания отдельных фактических обстоятельств содеянного корректно.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Стражева А.С. Фальсификация судебных доказательств как особое проявление недостоверности доказательств в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 4 (141). – С. 104-111.
2. Твердохлебова А.С. Фальсификация доказательств как проявление недостоверности доказательств в гражданском процессе // Приднепровский научный вестник. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 241-244.

3. Периутов А.Г. Заявление о фальсификации доказательств в арбитражном процессе и его отличие от заявления о недостоверности доказательств // Арбитражные споры. – 2014. – № 1 (65). – С. 97-101.
4. Шевченко И.М. Заявление о фальсификации доказательств в арбитражном процессе: некоторые концептуальные соображения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 3. – С. 13-18.
5. Захаров А.В. Проблемные подходы к понятию и сущности фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 4. – С. 629-636.
6. Корнакова С.В. К дискуссии о свойствах относимости, допустимости и достоверности уголовно-процессуальных доказательств // Lex Russica. – 2021. – Т. 74. – № 9 (178). – С. 67-76.
7. Амирбекова Г.Г., Асельдеров М.Г. К вопросу о допустимости, относимости, достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 5. – С. 168-170.
8. Доронькин Р.В. Понятие неполноты и недостоверности сведений в составе объективной стороны правонарушений // International journal of professional science. – 2022. – № 9. – С. 5-14.
9. Бортникова Н.А. Ответственность за введение суда в заблуждение [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2025).
10. Существительные, мотивированные прилагательными [Электронный ресурс] // Langust: сайт. URL: <https://www.langust.ru/index.shtml> (дата обращения: 03.04.2025).
11. Жесткова О.С. К вопросу о проблеме лексикографического описания отглагольных существительных // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 259-261.
12. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – С. 1349-1350.
14. Скрипченко Н.Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. – 2023. – № 1. – С. 41-51.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (9-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. Г.А. Есакова. – М.: Проспект, 2021 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2025).
16. Курсаев А.В. Квалификация отдельных преступлений против правосудия в новом постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. – 2022. – № 11. – С. 19-33.
17. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 ноября 2022 г. № 77-5260/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2025).
18. Радченко А.А. Способ как обязательный признак состава фальсификации доказательств по уголовному делу // Уголовное право. – 2023. – № 5. – С. 42 - 51.
19. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 8-О11-7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2025).
20. Курочкина Л. Доказательства: недопустимые или фальсифицированные? // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 121-124.
21. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 8-О11-7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2025).

References:

1. Strazheva A.S. Falsification of judicial evidence as a special manifestation of the unreliability of evidence in civil proceedings // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2021. – No. 4 (141). – P. 104-111.
2. Tverdokhlebova A.S. Falsification of evidence as a manifestation of the unreliability of evidence in civil proceedings // Dnieper Scientific Bulletin. – 2023. – Vol. 5. – No. 4. – P. 241-244.
3. Pershutov A.G. Statement of falsification of evidence in arbitration proceedings and its difference from a statement of unreliability of evidence // Arbitration disputes. – 2014. – No. 1 (65). – P. 97-101.
4. Shevchenko I.M. Statement of Falsification of Evidence in Arbitration Proceedings: Some Conceptual Considerations // Arbitration and Civil Procedure. – 2023. – No. 3. – P. 13-18.
5. Zakharov AV Problematic approaches to the concept and essence of falsification of evidence in arbitration proceedings // Actual problems of state and law. – 2022. – Vol. 6. – No. 4. – P. 629-636.
6. Kornakova SV On the discussion of the properties of relevance, admissibility and reliability of criminal procedural evidence // Lex Russica. – 2021. – Vol. 74. – No. 9 (178). – P. 67-76.
7. Amirbekova GG, Asel'derov MG On the issue of admissibility, relevance, reliability and sufficiency of evidence in criminal proceedings // Civil Service and Personnel. – 2020. – No. 5. – P. 168-170.
8. Doron'kin R.V. The concept of incompleteness and unreliability of information as part of the objective side of offenses // International journal of professional science. – 2022. – No. 9. – P. 5-14.
9. Bortnikova N.A. Responsibility for misleading the court [Electronic resource] // Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 04/03/2025).
10. Nouns motivated by adjectives [Electronic resource] // Langust: website. URL: <https://www.langust.ru/index.shtml> (date of access: 04/03/2025).
11. Zhestkova O.S. On the issue of the lexicographic description of verbal nouns // Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. – 2012. – No. 27. – P. 259-261.
12. On certain issues of judicial practice in criminal cases concerning crimes against justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 20 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 9.

-
13. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical) / edited by A.I. Chuchayev. – М.: Prospekt, 2019. – P. 1349-1350.*
14. Skripchenko N.Yu. *Qualification of crimes against justice in light of new explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal law. – 2023. – No. 1. – P. 41-51.*
15. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) (9th edition, revised and supplemented) / edited by G.A. Esakov. – М.: Prospekt, 2021 [Electronic resource] // Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 04/03/2025).*
16. Kursayev A.V. *Qualification of certain crimes against justice in the new resolution of the Plenum of the Supreme Court // Criminal law. – 2022. – No. 11. – P. 19-33.*
17. *Resolution of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated November 29, 2022 No. 77-5260/2022 // Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 03.04.2025).* Kurochkina L. *Evidence: Inadmissible or Falsified? // Criminal Law. – 2012. – No. 1. – P. 121-124.*
18. Radchenko A.A. *Method as a mandatory feature of the composition of falsification of evidence in a criminal case // Criminal law. – 2023. – No. 5. – P. 42 - 51.*
19. *Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 26, 2011 No. 8-O11-7 // Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 03.04.2025).*
20. Kurochkina L. *Evidence: Inadmissible or Falsified? // Criminal Law. - 2012. - No. 1. - P. 121-124.*
21. *Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 26, 2011 No. 8-O11-7 // Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 03.04.2025).*

Информация об авторе:

Зехов Батыр Зурабович, аспирант кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, zehov_batyr_01@mail.ru

Batyr Z. Zekhov, postgraduate student of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the Kuban State University.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.04.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.